

ДНЕВНИКЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТА.

Г. В. Плеханова.

ВЫХОДИТЬ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ.

№ 4

Декабрь 1905 г.

№ 4

Еще о нашемъ положеніи.

(Письмо къ товарищу X.)

Дорогой товарищъ!

Вы спрашиваете меня, что я думаю о современномъ положеніи въ Россіи. Я долженъ сознаться, что я не безъ нѣкотораго колебанія рѣшаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ. Я боюсь, что мой отвѣтъ не понравится вамъ, и я твердо убѣжденъ въ томъ, что онъ не понравится огромному большинству другихъ товарищей. Миѣ скажутъ, что я вношу разногласія въ ряды русскихъ социаль-демократовъ въ такое время, когда единодушіе намъ необходимо.

Миѣ скажутъ, что моя критика несвоевременна теперь, когда на голову нашей партіи сылется такъ много несправедливыхъ упрековъ, такъ много тяжелыхъ ударовъ. Миѣ уже знакомы такія обвиненія. Выслушивать ихъ не легко. Но что-же дѣлать? Бываютъ такія минуты, когда говорить не только нужно, но прямо обязательно. Притомъ, миѣ уже не разъ случалось быть въ томъ странномъ положеніи, когда миѣ приходилось выслушивать два прямо противоположныхъ обвиненія: по отношенію къ настоящему миѣ совѣтовали не поднимать споровъ и не обнаруживать разногласій, существовавшихъ между мною и нѣкоторыми другими товарищами, стоявшими вмѣстѣ со мною на данномъ партійномъ посту. Разногласія улягутся сами собой, — говорили миѣ, — они

сладятся, благодаря взаимному обмѣну вашихъ мнѣній. Пройдетъ полгода—годъ, и отъ этихъ разногласій останется одно лишь воспоминаніе, между тѣмъ какъ они очень повредятъ нашему дѣлу, если обнаружатся теперь въ печати». Словомъ, мнѣ настоятельно рекомендовали *уступчивость*. Но въ то-же самое время, тѣ-же самые люди, припоминая ту или другую *прежнюю* фазу нашего движенія, съ сожалѣніемъ замѣчали: «нѣтъ, вы напрасно тогда уступили; вамъ слѣдовало высказаться; ваше молчаніе вредно отразилось на дальнѣйшемъ ходѣ нашего движенія». То есть, меня упрекали въ томъ, что я былъ слишкомъ *уступчивъ*. У меня есть основанія думать, что такъ было-бы и въ настоящемъ случаѣ: тѣ-же люди, которые будутъ недовольны тѣмъ, что я теперь выскажусь, стали бы обвинять меня въ излишней молчаливости, если бы я предпочелъ промолчать. Какъ видите, мое положеніе не изъ самыхъ легкихъ.

Но еще хуже положеніе того, кто по выраженію Лассала несетъ *на себѣ ослѣ*. Я скажу, что я думаю, а тамъ пусть нападаютъ на меня тѣ, которые думаютъ иначе. Некрасовъ правду говорить:

Не заказано вѣтру свободному

Иѣтъ тоскливыя нѣсни въ поляхъ...

Итакъ, что же я думаю?

Я думаю, что наше положеніе не настолько хорошо, какъ оно могло-бы быть, если-бы мы не сдѣлали нѣкоторыхъ ошибокъ.

Начнемъ со всеобщей стачки.

Если вы припомните рѣшеніе, принятое по вопросу о всеобщей стачкѣ на международномъ съѣздѣ въ Амстердамѣ; если вы ознакомитесь съ международной социаль-демократической литературой по этому предмету, то вы увидите, что социальная демократія всѣхъ странъ,—въ противоположность анархистамъ,—рекомендуетъ пролетаріату быть до послѣдней степени осмотрительнымъ въ употребленіи этого ооюдо-остраго оружія.

Международный амстердамскій съѣздъ и социаль-демократическая литература всѣхъ странъ единогласно твердили пролетаріату, что для *успѣха всеобщей стачки* необходима

совокупность такихъ общественныхъ условій, которыя далеко не во всякую данную минуту находятся въ наличности и отсутствіе которыхъ должно привести стачечниковъ къ жестокому пораженію. И это совершенно справедливо. Чтобы урѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить хотя бы одну только исторію голландскихъ стачекъ 1902 года. Почему удалась первая изъ этихъ стачекъ? Почему не удалась вторая? Потому, что вторая стачка уже не застала правительство врасплохъ. Чтобы побѣдить при этомъ новомъ, *отрицательномъ* условіи, стачечникамъ нужна была гораздо большая сила чѣмъ та, которою они располагали во время *первой* стачки. А ихъ сила не только не увеличилась, но даже уменьшилась ко времени второй стачки, такъ какъ теперь, въ виду возросшей опасности, многіе изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ уже не обнаруживали энергіи, характеризовавшей ихъ во время первой стачки. Сопротивленіе, которое надо было одолѣть, въ значительной степени возросло, а сила, которую можно было употребить для его преодоленія, значительно уменьшилась. Послѣдствія извѣстны.

Голландскій пролетаріатъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Онъ долго не могъ оправиться отъ него, и теперь бесполезно было бы и заговаривать съ нимъ о всеобщей стачкѣ: онъ на нее не пойдетъ.

Этотъ недавній примѣръ долженъ былъ быть въ памяти у всѣхъ. Но, къ сожалѣнію, о немъ врядъ-ли вспомнили своевременно тѣ изъ нашихъ товарищей, которые высказались за вторую и третью всеобщую стачку. Эти стачки были предприняты безъ надлежащей осмотрительности. Социально-психологическія условія, безъ которыхъ невозможенъ былъ ихъ успѣхъ, отсутствовали если не цѣликомъ, то въ значительной степени. Поэтому ихъ исходъ не оправдалъ возлагавшихся на нихъ ожиданій. Я потому говорю: «не оправдалъ возлагавшихся на нихъ ожиданій», что даже тѣ изъ насъ, которые считаютъ эти стачки *удавшимися* не могутъ не признать, что онѣ *удались не въ той мѣрѣ, въ какой удалась первая, октябрьская забастовка*. Я же лично думаю, что эти двѣ стачки потерпѣли неудачу и потерпѣли ее именно отъ того, что онѣ предприняты были безъ осмотрительности,

такъ настойчиво рекомендованной пролетариату международнымъ амстердамскимъ съѣздомъ и международной социалистической литературой.

Октябрьская всеобщая забастовка произвела потрясающее впечатлѣніе какъ въ Россіи, такъ и за границей. Это было чрезвычайно выгодно для пролетариата вообще и для дѣла политической свободы въ частности. Но это «обязывало». Чтобы произвести такое-же сильное впечатлѣніе, вторая всеобщая стачка должна была быть *несравненно болѣе грандіозной, чѣмъ первая.*

Вышло не такъ: вторая стачка вышла значительно слабѣе первой. Поэтому она произвела невыгодное для пролетариата впечатлѣніе. Правда, нѣкоторые, наиболѣе чуткіе изъ нижнихъ чиновъ арміи и флота, должны были понять, благодаря ей, что пролетариатъ имъ не врагъ, а самый искренній защитникъ. Это былъ большой *плюсъ*. Но этимъ большимъ плюсомъ *только отчасти* покрывался указанный мною колоссальный *минусъ*.

Третья и послѣдняя наша всеобщая стачка привела, — какъ вы знаете, — къ вооруженному возстанію. Мой взглядъ на вооруженное возстаніе былъ неоднократно высказанъ мною прежде. Ниже мнѣ придется опять говорить объ этомъ предметѣ, а теперь я замѣчу пока вотъ что.

Стачка на Николаевской желѣзной дорогѣ не была всеобщей. Движеніе по этой дорогѣ не остановилось, и этотъ фактъ имѣлъ роковое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Москвѣ. Если же всеобщая стачка не могла быть дѣйствительно всеобщей, то ея не слѣдовало и начинать.

— «Но реакція бросила намъ свой вызовъ», скажете, пожалуй, вы. Я не отрицаю этого. Весь вопросъ для меня сводится къ тому, *какимъ образомъ намъ слѣдовало отвѣчать на реакціонныя провокаціи.* Главнымъ доводомъ въ пользу такъ называемаго террора всегда являлось то соображеніе, что террористическія дѣйствія служатъ отвѣтомъ на дикія выходки реакціи. Этотъ доводъ, всегда сильно дѣйствовавшій на политически незрѣлыхъ людей, никогда не казался убѣдительнымъ *намъ, социаль-демократамъ.* Мы говорили, что отвѣчать на реакціонные вызовы надо только такими дѣйствіями, которыя измѣняютъ соотношеніе общественныхъ

силъ въ пользу революціи, и что «терроръ», затрудняющій работу среди пролетариата, не принадлежитъ къ числу такихъ дѣйствій. То же приходится сказать и по поводу нынѣшней реакціонной вакханаліи. Отвѣчать на нее, разумеется, нужно. Но отвѣчать нужно такими дѣйствіями, которыя укрѣпляютъ-бы нашу позицію, а не ослабляли-бы ее.

Сила нашей позиціи цѣлкомъ опредѣляется ясностью классоваго самосознанія и организованностью пролетариата. А съ этой стороны дѣло обстоитъ далеко не такъ хорошо, какъ это нужно и желательно. Мы говорили: пролетариатъ является самымъ надежнымъ и самымъ послѣдовательнымъ носителемъ революціонной идеи. И когда мы говорили это, мы ни сколько не обманывали себя, если мы не забывали при этомъ, что *весь* пролетариатъ, взятый цѣлкомъ, является такимъ носителемъ только *въ возможности, въ дѣйствительности же* такимъ носителемъ сталъ пока только *известный слой его.*

Этотъ слой уже очень значителенъ и онъ растетъ теперь, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Но это — *только слой, т. е. только часть* рабочаго класса, и эта часть не покрываетъ собою цѣлаго.

Изъ кого состоятъ «черныя сотни»? Нѣтъ-ли въ ихъ рядахъ самыхъ несомнѣнныхъ представителей пролетариата? Кто громилъ «жидовъ»? Будто-бы одни только профессиональные воры и пропойцы? Увы, нѣтъ! Я самъ могъ бы назвать нѣсколько такихъ мѣстностей, гдѣ въ числѣ громилъ выступали даже заводскіе *рабочіе.* Ясно, стало-быть, что до сихъ поръ есть много пролетаріевъ, еще не проникшихся революціонной мыслію и готовыхъ поддерживать старый порядокъ вопреки самымъ насущнымъ своимъ интересамъ. Мы, социаль-демократы, должны были немедленно и энергично взяться за просвѣтительную работу въ этихъ отсталыхъ слояхъ пролетариата. Въ этомъ заключалась одна изъ самыхъ важныхъ задачъ переживаемаго нами момента. Чѣмъ энергичнѣе, а потому и успѣшнѣе, взялись-бы мы за эту работу, тѣмъ рѣшительнѣе и внушительнѣе былъ-бы нашъ отвѣтъ на реакціонныя провокаціи. Я спрашиваю васъ, товарищи, сдѣлали-ли мы въ этомъ направленіи все то, что мы могли и должны были сдѣлать? Думаю, что не сдѣлали. И не сдѣлали по весьма по-

нятной причинѣ: намъ хотѣлось немедленно дать реакціи *окончательный* отвѣтъ, такой отвѣтъ, *нельзя было дать, не совершивъ указываемой мною предварительной работы.*

И не только этой работы. Кромѣ того слоя пролетаріата, который пока еще *враждебенъ* революціонному движенію, есть еще другой, болѣе широкій слой, относящійся къ нему совсѣмъ, или почти совсѣмъ *равнодушно*. Чтобы вызвать такую всеобщую стачку, которая была-бы несравненно грандіознѣе прошлогодней октябрьской забастовки, намъ безусловно необходимо было вовлечь въ политическое движеніе этотъ равнодушный или почти равнодушный слой пролетаріата. А пока онъ былъ не вовлеченъ въ него, до тѣхъ поръ рѣчь о новой забастовкѣ оставалась преждевременной.

Замѣтьте, что у насъ было въ рукахъ прекрасное средство политическаго воспитанія этой части пролетаріата. Если стремленіе рабочихъ къ *политической свободѣ* разлилось широкой волной по лицу земли русской, то еще болѣе широкой волной разлилось стремленіе ихъ къ дѣятельному и дружному отстаиванію своихъ *экономическихъ интересовъ*. Кажется, не было такой отрасли труда, куда не проникла-бы мысль о профессиональных организаціяхъ. Организации этого рода имѣютъ вообще огромное значеніе для пролетаріата. Марксъ говорилъ, что профессиональные союзы—школа социализма и что только эти союзы могутъ дать рабочему классу силу, необходимую для борьбы съ могуществомъ капитала. А у насъ имъ суждена кромѣ того и другая роль: *роль политическихъ воспитателей рабочихъ*. Съ точки зрѣнія нашего стараго порядка всякая попытка рабочихъ защищать свои интересы, «собранный скопомъ», являлась преступленіемъ. Вотъ почему всякая такая попытка необходимо должна была приводить рабочихъ въ столкновеніе съ этимъ порядкомъ. И чѣмъ больше росло стремленіе рабочихъ организоваться въ профессиональные союзы, тѣмъ неизбѣжнѣ становилось политическое пробужденіе самыхъ отсталыхъ слоевъ пролетаріата, раздражаемыхъ несносными полицейскими придирками всякаго рода. Намъ слѣдовало ускорить этотъ неизбѣжный процессъ путемъ планомѣрной агитации за созданіе профессиональных союзовъ. Всякій шагъ въ этомъ направленіи приближалъ-бы

русскую соц.-демократію къ тому моменту, когда стала-бы возможной новая, дѣйствительно всеобщая и дѣйствительно побѣдоносная, забастовка. Но увлеченная вѣрой въ то, что можно сейчасъ же нанести окончательный ударъ реакціи, она недостаточно оцѣнила значеніе этого рода дѣятельности и приняла рѣшительный бой въ такое время, когда у нея было слишкомъ мало силъ для рѣшительной побѣды.

Я знаю, что когда гремятъ выстрѣлы и льется кровь, такая «мирная» работа, какъ поддержка профессиональнаго движенія, можетъ показаться слишкомъ мало увлекательнымъ, слишкомъ прозаическимъ занятіемъ. Но именно потому, что она можетъ показаться такимъ «не интереснымъ» занятіемъ, мы, партійные писатели, должны настаивать на ея необходимости. Если наша партія станетъ пренебрегать этой «прозой», то для нея, конечно, будетъ возможна поэзія *борьбы*, но останется недостижимымъ счастье *побѣды*. Какъ Антей пріобрѣталъ новыя силы, прикасаясь къ землѣ, такъ и наша социаль-демократія будетъ пріобрѣтать новыя силы, опираясь на экономическую борьбу пролетаріата*).

Объ этомъ особенно полезно вспомнить теперь, когда неудачныя попытки вооруженныхъ возстаній заставляютъ русскую социаль-демократію задумываться о томъ, что-же дѣлать дальше.

Пока мы практиковали такіе приемы борьбы, которые были бы успѣшны только въ томъ случаѣ, если-бы мы были въ десять разъ сильнѣе, наши противники изъ буржуазнаго

*) Кстати Марксъ говоритъ:

«Профессиональные союзы ни въ какомъ случаѣ не должны находиться въ связи или зависимости отъ политическихъ обществъ, если они хотятъ выполнять свою задачу.» Другими словами, Марксъ стоялъ за нейтральные союзы. Теперь К. Каутскій и его ближайшіе единомышленники въ германской партіи выступаютъ противъ такой нейтральности. При современныхъ германскихъ условіяхъ они могутъ выступать противъ нея, не измѣняя духу марксознаго ученія. У насъ дѣло обстоитъ иначе. У насъ нѣтъ такой сильной и вліятельной, такъ хорошо организованной социаль-демократической партіи, какой можетъ похвастаться Германія. Наша партія, собственно говоря, только еще возникаетъ. Поэтому она должна относиться къ профессиональнымъ союзамъ такъ, какъ относился къ нимъ Марксъ въ 1869 году, въ періодъ дѣтства германской партіи: она должна высказаться за ихъ нейтральность. Дѣйствовать иначе значило бы пытаться уложить рабочий классъ на узкое и жесткое ложе секты.

лагеря не теряли времени и приобретали влияние на профессиональные союзы. Это очень опасный для нас шаг, благодаря которому мы можем оказаться *обойденными с тылу*. Наши товарищи очень любят «противоставлять себя буржуазии». И оно, разумеется, так и следует. Но лучший способ противопоставления себя буржуазии заключается в социалистическом воспитании пролетариата. А для социалистического воспитания пролетариата советам не достаточно кстати и не кстати бранить буржуазию. Воспитывать пролетариат может только тот, кто не отворачивается от *его экономической борьбы* с его эксплуататорами.

Мнѣ скажутъ: «но никто изъ насъ и не отрицаетъ значенія профессиональных союзовъ въ дѣлѣ освободительнаго движенія пролетариата». Это такъ. Въ принципѣ ихъ значеніе признано всѣми. Но очень значительная часть нашихъ товарищей слишкомъ увлекалась мыслью о вооруженномъ возстаніи, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьезно поддержкой профессиональнаго движенія. Это тоже неоспоримо.

Дальше. Амстердамскій съѣздъ и международная социал-демократическая литература говорили намъ, что сильная организація представляетъ собою необходимое условіе удачи всеобщей стачки. А между тѣмъ наша всеобщая октябрьская стачка удалась, несмотря на то, что рабочій классъ организованъ у насъ еще очень слабо. Чѣмъ объясняется это парадоксальное явленіе? Неужели ошибся амстердамскій международный съѣздъ? Неужели ошиблась международная социал-демократическая литература?

Нѣтъ, они не ошиблись. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ приходится бороться западно-европейскому пролетариату организація въ самомъ дѣлѣ составляетъ для него совершенно необходимое условіе. На западѣ пролетариату приходится разсчитывать *только на свои собственныя силы*; онъ не можетъ надѣяться на какую-нибудь серьезную революціонную поддержку со стороны другихъ классовъ; онъ *изолированъ*. А нашъ пролетариатъ, борящійся за такое дѣло, въ торжествѣ котораго заинтересованы также и другія классы населенія, пока еще не изолированъ, онъ пока еще можетъ встрѣтить дѣятельную помощь со стороны нѣкоторыхъ другихъ классовъ.

Въ самомъ дѣлѣ! Въдѣ октябрьской всеобщей забастовкѣ сочувствовала вся Россія за исключеніемъ полиціи и записныхъ реакціонеровъ. Именно поэтому она и удалась. Всеобщее сочувствіе возмѣстило рабочимъ недостатокъ организаціи.

Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что если для успѣха второй всеобщей забастовки нужно было привлечь къ борьбѣ новые слои пролетариата, прежде не принимавшіе участія въ освободительномъ движеніи, то вторымъ условіемъ ея успѣха являлось сочувствіе къ ней не пролетарскихъ классовъ. А это значитъ, что всеобщая стачка могла быть у насъ удачною лишь въ случаѣ такого столкновенія пролетариата съ реакціей, которое обезпечивало бы стачечникамъ самое широкое сочувствіе «общества».

Опытъ показалъ, что поводы, вызвавшіе вторую и третью стачки, были недостаточны для привлеченія къ стачечникамъ всеобщаго сочувствія. Въ этомъ заключается разгадка ихъ, скажемъ, не полной удачи. Теперь, разумеется, нельзя поправить то, что уже сдѣлано. Но очень можно принять къ свѣдѣнію и руководству урокъ, данный намъ событіями. Очень можно убѣдиться въ томъ, что всеобщая политическая забастовка не такой пріемъ борьбы, къ которому можно прибѣгать чуть не каждую недѣлю. Очень можно, наконецъ, понять и то, что намъ надо дорожить поддержкой непролетарскихъ оппозиціонныхъ партій, а не отталкивать ихъ отъ насъ безтактными выходками.

По поводу третьяго номера моего «Дневника» одинъ товарищъ писалъ мнѣ изъ Россіи: «Вообще я и всѣ мы были удивлены, что вы снова поставили вопросъ о цѣнности «буржуазной свободы». Въ этой плоскости у насъ сейчасъ нѣтъ споровъ и сомнѣній. Отдѣльные частные случаи неудачныхъ пріемовъ агитаціи, конечно, встрѣчаются, но отсюда еще очень далеко до возвращенія къ блаженнымъ временамъ отрицанія политики».

Я не приписывалъ никому изъ своихъ товарищей *отрицанія политики*. Я только говорилъ, что политика «признается» нами не совсемъ правильно, что люди, «признающие политику», своими разсужденіями напоминаютъ у насъ иногда «германскихъ истинныхъ социалистовъ» 40-хъ годовъ. И напоминаютъ не отдѣльными положеніями («отрицаю поли-

тику», «признаю политику»), а общимъ характеромъ своего мышления. Въ чемъ состояла логическая ошибка «истинныхъ» германскихъ социалистовъ? Въ томъ, что они смѣшивали два различныхъ фазиса развитія капиталистическаго общества.

Нѣмецкій «истинный социализмъ» забывалъ, по словамъ Маркса, «что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соответствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е., именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи».

Вотъ такимъ забвеніемъ часто грѣшатъ и наши русскіе «истинные» социаль-демократы. Въ № 3 «Дневника» я указывалъ на одну группу нашихъ провинціальныхъ товарищей, которая не нашла ничего лучшаго для борьбы съ полною политическою неразвитостію мѣстнаго пролетаріата, какъ предпринять жестокой походъ противъ «либераловъ». Я вполне увѣренъ, что эти товарищи тоже «признаютъ политику». Но это не мѣшаетъ имъ походить, какъ двѣ капли воды, на «истинныхъ» нѣмецкихъ социалистовъ сороковыхъ годовъ *).

Мой корреспондентъ скажетъ, пожалуй, что это—«отдѣльный случай неудачныхъ пріемовъ въ нашей агитаціи». Пусть такъ! Но, къ сожалѣнію, такіе «отдѣльные случаи» повторяются слишкомъ часто.

Не такъ давно одна радикальная газета высказала ту мысль, что въ настоящее время наша социаль-демократія, имѣющая такое большое вліяніе на рабочій классъ, могла-бы сконцентрировать около себя всю демократическую оппозицію. И что же? Радикальная газета получила,—на этотъ разъ не изъ захолустя,—отвѣтъ, по прямому смыслу котораго выходило, что она сказала буржуазную глупость, и что въ названной концентраціи нужды не предвидится. Прошло нѣсколько дней; началась третья всеобщая стачка, и петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ своемъ воззваніи по ея поводу,

* Оговорюсь здѣсь, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ антилиберальнымъ походомъ. Подъ статьями, направленными противъ либераловъ, поставлено было мое имя, хотя я не имѣлъ къ этимъ статьямъ ни малѣйшаго отношенія. Само собою понятно, что это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

писалъ, что пролетаріатъ отстаиваетъ дѣло, въ торжествѣ котораго заинтересовано все общество и что, поэтому, онъ имѣетъ право рассчитывать на поддержку со стороны всѣхъ свободолюбивыхъ элементовъ этого послѣдняго. Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ совершенно правъ. Но если онъ былъ совершенно правъ, то совершенно не правъ былъ товарищъ, написавшій рѣзкую отповѣдь радикальной газетѣ. Это поистинѣ прискорбный «отдѣльный случай неудачныхъ пріемовъ» и проч.!

Товарищъ, ополчившійся на радикальную газету, утверждалъ въ своей статьѣ, что непрерывная цѣпь развитія свяжетъ переживаемый нами политическій моментъ съ будущей социалистической революціей. Эта правда. Вся исторія Россіи, вся исторія человѣчества, вся исторія земли, вся исторія вселенной представляетъ собою непрерывный процессъ развитія. Но что-же слѣдуетъ изъ этой истины, очень дешевой на нынѣшнемъ научномъ рынкѣ? Во всякомъ случаѣ не то, что непрерывность процесса развитія даетъ намъ право упускать изъ виду особенности его отдѣльныхъ фазисовъ. Марксъ прекрасно зналъ, что германская исторія была и останется непрерывнымъ процессомъ. Онъ былъ убѣжденъ, кромѣ того, что буржуазная революція въ Германіи явится простымъ прологомъ къ социалистической революціи. И тѣмъ не менѣе онъ жестоко клеймилъ «истинныхъ социалистовъ», говорившихъ *наканунѣ* буржуазной революціи такимъ языкомъ, который былъ-бы уместенъ *лишь послѣ нея*.

Отдѣльные случаи! Помилуйте! Этихъ отдѣльныхъ случаевъ такъ много, что ими характеризуется чуть не вся наша тактика по отношенію къ непролетарскимъ партіямъ и что они мѣшаютъ русской социаль-демократіи пріобрѣсти достойное ея политическое вліяніе. И именно потому, что они мѣшаютъ ей пріобрѣсти возможное для нея вліяніе, они усиливаютъ вліяніе буржуазныхъ партій.

«Отдѣльные случаи» порождаются вполне законною, хотя и плохо осмысленною ненавистью къ оппортунизму. Но они оказываютъ услугу именно оппортунизму. Авторы «отдѣльныхъ случаевъ» идутъ въ комнату, а попадаютъ въ другую. Намъ давно слѣдовало покончить съ этими блужданіями. Но

скоро-ли мы покончимъ съ ними? Я не знаю. Это — застарѣлая болѣзнь.

Не своевременно начатая политическая забастовка привела къ вооруженному возстанію въ Москвѣ, въ Сормовѣ, въ Бахмутѣ и т. д. Въ этихъ возстаніяхъ нашъ пролетаріатъ показалъ себя сильнымъ, смѣлымъ и самоотверженнымъ. И все-таки его сила оказалась недостаточной для побѣды. Это обстоятельство не трудно было предвидѣть. А потому не нужно было и браться за оружіе. Говорятъ: пролетаріатъ принудилъ социаль-демократію взяться за него. Но если это такъ, то возстанія были болѣе *стихійными*, чѣмъ *сознательными*. А въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ чемъ же состоитъ теперь, въ виду ошибки, вызванной *перевѣсомъ стихійности*, практическая задача *сознательныхъ* элементовъ нашего рабочаго движенія.

Она заключается въ томъ, чтобы указать пролетаріату на его ошибку, чтобы объяснить ему всю рискованность той, — какъ выражался Марксъ, — игры, которая называется вооруженнымъ возстаніемъ. Бюрократія любитъ повторять, что «все обстоитъ благополучно». Мы, ея непримиримые враги, не должны уподобляться ей. Мы должны говорить пролетаріату правду, всю правду и только правду. Мы должны имѣть мужество указывать ему на его и на наши собственные ошибки.

Вы скажете мнѣ, можетъ быть, что я хочу тормазить движеніе. Я спорить и прекословить не буду. Почему и не затормазить его? Роль тормазы не всегда заслуживаетъ осужденія. Ее игралъ Робеспьеръ, боровшійся съ *жирондистами*, которые несвоевременно призывали къ вооруженному возстанію. Ее игралъ въ 1848 г. неисправимый заговорщикъ и неукротимый революціонеръ Бланки. Ее игралъ руководимый Марксомъ Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, предостерегавшій, — въ воззваніи отъ 9 сентября 1870 г., — парижскій пролетаріатъ отъ несвоевременныхъ вѣшышекъ *).

Правда, роль тормазы — неблагоприятная и совсѣмъ не живописная роль. Она исключаетъ всякую фразу. Но мы, социаль-

демократы, вообще не охотники до революціонныхъ фразъ, и не даромъ нашъ учитель Энгельсъ говорилъ, что область революціонной фразы мы должны всецѣло предоставить анархистамъ, давно совершившимъ въ ней все человѣчески-возможное.

И не обвиняйте меня въ томъ, что своей критикой я распространяю уныніе въ нашихъ рядахъ. Я вообще не думаю, что наши ряды способны поддаваться унынію. Уныніе такъ же не къ лицу социаль-демократамъ, какъ и революціонная фраза. Нельзя унывать участнику такого движенія, которое въ существу своему не побѣдимо. Онъ можетъ только сожалѣть о тѣхъ или другихъ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ, а такое сожалѣніе есть залогъ новыхъ успѣховъ. Чернышевскій говорилъ: «Пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки нашей улицѣ праздникъ». Мы имѣемъ всѣ основанія повторять эти слова съ такой же спокойной увѣренностью. Но праздникъ придетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ внимательнѣе мы будемъ относиться къ урокамъ жизни.

Жизнь показала, что тактика, которой держалась въ побѣднѣ мѣсяцы наша партія, несостоятельна. Подъ страхомъ новыхъ поражений мы обязаны усвоить новые тактическіе приемы.

Реакція стремится изолировать насъ; намъ нужно употребить всѣ усилія для того, чтобы изолировать реакцію.

Реакція стремится опереться, между прочимъ, на отсталые слои пролетаріата; намъ нужно съ удвоенной энергіей взяться за развитіе сознанія этихъ слоевъ, а главное — намъ нужно медленно обратить усиленное вниманіе на профессиональное движеніе рабочихъ. Вотъ *conditio sine qua non* побѣды. Когда оно будетъ на лицо, тогда не долго придется ждать нашей улицѣ своего праздника.

До сихъ поръ въ освободительномъ движеніи принимала участіе только *нѣкоторая часть* пролетаріата; теперь *весь* рабочий классъ долженъ двинуться на завоеваніе свободы.

Крестьянство представляетъ собою резервную армію нашего освободительнаго движенія. Результаты всего похода определяются движеніемъ этой арміи. И странно, что нѣкоторые изъ товарищи до сихъ поръ не выяснили себѣ, въ какое

*) Gustav Jaechh. Die Internationale, стр. 119.

отношеніе должна стать наша социаль-демократія къ нынѣшнему нашему аграрному движенію.

Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, то представитель социаль-демократической партіи на первомъ всероссійскомъ крестьянскомъ съѣздѣ, указывая на то, что еще не пришло время социалистической революціи, объявилъ невозможной такую социалистическую мѣру, какъ отобрание земли». Но въ томъ-то и дѣло, что отобрание земли, котораго добивается современное наше крестьянство, вовсе не есть социалистическая мѣра. Такое «отобрание земли» дало бы новый толчекъ капиталистическому развитію Россіи. Аркесъ еще въ 40-хъ годахъ замѣтилъ, по поводу сѣверо-американскаго движенія въ пользу націонализаціи земли, что успѣхъ этого движенія усилилъ бы «индустриализмъ повѣйшаго буржуазнаго общества». И не даромъ за націонализацію земли въ Англіи стоялъ Робденскій клубъ, соединившій съ собою весь цвѣтъ либеральной англійской буржуазіи. Крестьянское «отобрание земли» можетъ представлять нѣкоторое неудобство только съ политической стороны.

Переходъ земли въ собственность такого государства, съ котораго еще не совлеченъ ветхій полицейскій Адамъ, можетъ создать новыя преграды для нашего освободительнаго движенія. Но это уже вопросъ не объ отобрании земли, а вопросъ о распоряженіи ею, вопросъ же объ ея отобрании можетъ быть рѣшенъ нами только въ утвердительномъ смыслѣ. Кто боится утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, тотъ показываетъ, что его мысль въ самомъ дѣлѣ окаменѣла подъ мертвящимъ дѣйствіемъ схематизма *).

Если наши товарищи ухитряются иногда быть разбитыми въ спорахъ объ этомъ «социалистами-революционерами», то это лишь показываетъ, что эти товарищи не вполне усвоили себѣ даже наши партійныя резолюціи. «Отобрание земли» было одобрено еще въ прошломъ году, какъ съѣздомъ «большеви-ковъ», такъ и конференціей «меньшеви-ковъ».

Сколько я могу судить, эти резолюціи до сихъ поръ не имѣли большого вліянія на агитаціонную дѣятельность нашихъ практиковъ. Теперь пора провести ихъ въ жизнь.

*) См. Первый номеръ моего «Дневника» статью: «Мужики бунтуютъ».

Агитація въ крестьянствѣ стала практическимъ вопросомъ. Въ настоящую минуту этого оспаривать не станетъ никто *). Но если необходимо вести агитацію въ крестьянствѣ, то необходимо приспособить ея приемы къ психологіи крестьянина. Вотъ, примѣръ, у насъ рекомендуютъ бойкотировать Государственную Думу. Но крестьянская масса не пойметъ того бойкота, и наша мнимо-радикальная тактика привела-бы лишь къ тому, что мы упустили-бы прекраснѣйшій и незабываемый случай повліять на политическое сознаніе крестьянина.

Выборная агитація въ деревнѣ поставила-бы ребромъ вопросъ о землѣ. А разъ былъ-бы поставленъ этотъ вопросъ, крестьяне безъ труда увидѣли-бы, гдѣ ихъ друзья и гдѣ ихъ враги.

Уже одного этого соображенія достаточно для того, чтобы понять несостоятельность идеи бойкота. А кромѣ него можно было-бы провести много другихъ. Мѣсто не позволяетъ мнѣ дѣлать это; ограничусь краткимъ формулированіемъ того, что я не разъ говорилъ въ личныхъ бесѣдахъ съ товарищами въ тѣхъ поръ, какъ начались споры о бойкотѣ Думы.

Не только въ деревнѣ, но и въ городѣ участіе наше въ выборной агитаціи дастъ намъ возможность до максимума вліяніе наше на широкіе слои трудящагося населенія.

— Поэтому я противъ бойкота.

Я знаю, что за это меня можно объявить врагомъ народа: припомните нѣкоторыя резолюціи нѣкоторыхъ нашихъ организаций. Но враги народа бываютъ разные. Ибсеновскій докторъ Штокманъ тоже былъ объявленъ врагомъ народа, а между тѣмъ, вѣдь, народу-то онъ ничѣмъ не вредилъ.

Вы хотѣли знать мое мнѣніе; я высказалъ его. Теперь помите меня, если находите это полезнымъ. Слово принадлежитъ вамъ.

Вашъ Г. Плехановъ.

*) Это признаютъ даже люди, пишущіе въ «Новомъ Времени». Г. В. Ленинъ говоритъ въ № 10702 этой газеты: «Стремленіе крестьянъ къ землѣ—стихійная сила, непреодолимая, разъ она возбуждена, а что она же возбуждена, это внѣ всякаго сомнѣнія, и теперь приходится заниматься не празднымъ обсужденіемъ вопроса о томъ, что эта сила въ своемъ движеніи не считается съ западно-европейскими шаблонами улучшенія крестьянскаго хозяйства, а выясненіемъ того какъ ее регулировать и согласовать съ другими проявляющимися въ общественной жизни стремленіями. Вотъ за это намъ и нужно теперь приниматься, если только мы не хотимъ, чтобы и тутъ насъ предупредили крайнія партіи».

Издание Маріи Малыхъ.

Цѣна 5 коп.

Складъ изданій—Книжный магазинъ „Трудъ“, Невскій, 60.